

Уральский поселок Висим, где родился Митя Мамин, стоит в Европе. Но окна маминского дома смотрят в Азию.

- Вон те горы уже в Азии, - объяснял Мите отец.

Правда, одно окно выходило и «в Европу», на запад. Из него виднелась небольшая Кокурникова гора. Много лет спустя Мамин вспоминал, как «в детской душе просыпалась... таинственная тяга именно на запад».

На русский запад, в Петербург, поехал искать свое счастье двадцатилетний семинарист Дмитрий Мамин.

После смерти отца на его иждивении остались мать, два брата и сестра. Он бросает медицинский факультет, идет в репортеры.

Через несколько лет его путь повторит Чехов. Студент-медик. Газетный фельетонист. Частные уроки по 12 часов в день. Писатель поневоле. «Деньги, деньги и деньги... - вот единственный двигатель моей... литературной пачкотни, и она не имеет ничего общего с теми литературными занятиями, о которых я мечтаю...» - пишет домой 24-летний Мамин. Первая публикация в газете

Д. Н. Мамин-Сибиряк с дочкой Аленушкой, Петербург, 1899 год. (Публикуется впервые.)

Мамин дочка

Комс. правда. - 1997. - Часов. - с. 5.

145 лет назад на границе Европы и Азии родился русский писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. В этом году исполнилось сто лет со дня выхода в свет его знаменитых «Аленушкиных сказок».

О девочке, которой они посвящены, мы до сих пор почти ничего не знаем...

- о заседании энтомологического общества.

Но вот прошло десять лет, и он - Мамин-Сибиряк, писатель с именем. Автор нескольких романов. Его узнают в ресторанах и портретах. «Вы Мамин? Писатель Мамин?» - с любопытством рассматривали его дамы.

«Во-первых, я не Мамин, - отвечал он сердито, - во-вторых, не писатель и, в-третьих, насколько мне известно, писатель Мамин по портретам не шляется!»

Ходить по пивным ему в самом деле было некогда. «Приходится писать без конца, так что даже выходит как-то смешно...» Он вставал не позже восьми утра, вместо чая выпивал бутылку пива и садился за работу. Редкий день он писал меньше пятидесяти страниц! Говорил друзьям, что только могучее «поповское» здоровье позволяет ему выдерживать такой неистовый марафон. В конце жизни утверждал, что написал около ста томов прозы, в одном из писем с грустью заметил: «Как-то даже странно вспомнить, что я когда-то написал «Приваловские миллионы», «Хлеб» и другие романы... наступили вообще какие-то короткие времена... Нужно появление нового Толстого или Достоевского, чтобы заставить публику читать трехэтажные романы».

В апреле 1905 года в буфете Николаевского вокзала Мамин, немного выпив, сказал другу: «Я умираю частями - но храбро! Очень просто... А как только ты помер, ты забьт. Проводят покойника, как вот сейчас уехавшего в Крым Альбова, и забудут его. Очень просто».

Литературная слава, отзывы критиков и даже память потомков перестали волновать Мамина 21 марта 1892 года. С того дня его мысли, его сердце принадлежали лишь одному существу.

Дочка Мамина родилась больной. Ее мать, актриса

«...Аленушка для меня все, и без нее я не желаю жить, - писал он в декабре 1893 года. - Она слишком дорога мне, в ней все, все, все... Будь мать - было бы другое дело, а сейчас я боюсь до смерти каждой царапины и жду какой-нибудь новой беды».

Мамин нашел Аленушке замечательную воспитательницу - Ольгу Францевну Гувале. Но волнение не оставляло его. «Иногда я встаю в 4 часа ночи и отправляюсь в Исаакиевский собор молиться...»

Положение осложнялось тем, что брак Мамина с Марией Гейнрих-Абрамовой был гражданским. Бывший муж развода не давал, и много лет Дмитрий Наркисович боялся, что Абрамов может отнять у него Аленушку в судебном порядке.

На случай если бы такая угроза стала реальной, Мамин придумал два варианта - один криминальнее другого. Или скрывается с Аленушкой в Швеции, переименит гражданство. Или... зарезать Абрамова.

От прав на Аленушку Абрамов отказался только в 1902 году. Получив телеграмму с сообщением об этом, Мамин был счастлив: «Наконец-то я ее могу усыновить! Десять лет висел надо мной этот дамоклов меч! Сколько я за это время страдал! Но если бы он не согласился, я бы его уколол! Я азиат!»

Родовая травма, полученная Аленушкой при рождении, по-прежнему давала о себе знать. Девочка отставала в развитии от сверстников. Мамин терпеливо занимался с ней, иногда по многу часов в день. Привозил к ней лучших врачей, но они не могли ничем помочь. Он часто плакал у себя в кабинете от бессилия и отчаяния.

Приятели знали только одно средство отвлечь его - бильярд, вино. Один из них вспоминал: «В ресторане он хотел продолжать возлия-

В январе 1897 года Мамин купил столярный станок и стал сам делать игрушки для дочки. В том же году отдельным изданием впервые вышли «Аленушкины сказки». Истории, рассказанные по вечерам больной девочке и записанные в тетрадь лишь для нее, вдруг стали событием в русской литературе.

Издатели увидели в новой книге Мамина золотую жилу и стали бороться за право собственности на печатание сказок. Автор всем решительно отказывал: «За 30 тысяч я не продам бы в полную собственность «Аленушки-

редко подумываю о своей смерти и об участии Аленушки...»

Аленушка пробовала рисовать, писать стихи, но росла болезненной, нервной девочкой. Почти весь ее архив был утрачен во время гражданской войны. Там были рисунки, автографы многих русских писателей, сказки и письма Мамина.

6 ноября в екатеринбургской газете «Голос Урала» появилась заметка под рубрикой «Местная хроника»: «В воскресенье... в 1 час дня в Екатеринбургском соборе отслужена общественная

«Жалеть мне в литературе нечего, она всегда для меня была мачехой... Ну и черт с ней. Да, жить русский человек не умеет, но зато он умеет умирать!»

ных сказок»... Их писала сама любовь!»

Чтобы понять, о какой значительной сумме шла речь, достаточно вспомнить, что в том же январе 1899 года, когда Мамин отказывался уступать сказки, Чехов отдал издателю Марксу право собственности на все свои прошлые и будущие произведения за 75 тысяч рублей.

«Баю-баю-баю...»

Один глазок у Аленушки спит, другой - смотрит, одно ушко у Аленушки спит, другое - слушает.

Спи, Аленушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки...»

Мамин говорил, что двадцать строчек присказки он сочинял всю ночь, стоя на площадке вагона в поезде Петербург - Москва.

«Папа, я всех люблю...» - шепчет Аленушка. - Я и черных тараканов, папа, люблю...»

Отдав в типографию «Аленушкины сказки», он пошел встречать Новый год к своим знакомым. Как вспоминал один из очевидцев, Мамин «при гомерическом смехе гостей начал танцевать лезгинку - с грацией молодого гиппопотама».

И никто не замечал, какая печаль в азиатских глазах этого смешного, неуклюжего человека, который, чуть выпив, не боялся стать посмешищем и мог веселить людей всю ночь.

При Советской власти Мамина зачислили в скучную «плеяду» народников, издавали одни и те же его романы в дрянных обложках. Так ему определили место. Второй пыльный ряд на полке под потолком.

6 февраля 1900 года Мамин женился на Ольге Францевне Гувале. «Конечно, об африканской страсти тут речи быть не может, - писал он сестре. - Но я не-

панихида по скончавшемуся в Петербурге известному писателю Д. Н. Мамину-Сибиряку... На панихиде присутствовали два-три человека из представителей юстиции и адвокатуры... представители от города на панихиде не участвовали».

Елена Мамина после ухода отца не прожила и двух лет. Она умерла 5 сентября 1914 года от воспаления легких. Аленушке было всего двадцать два года.

Шли холодные дожди. Война. Наступали какие-то совсем короткие времена, где не было сказок, а были только телеграммы, декреты, воззвания и списки погибших.

У Мамина есть забытый рассказ «Пароходный купец». Подвыпивший купец покупает на пристани детские воздушные шары, садится на пароход. Пароход плывет по Каме, разгребая воду огромными колесами, а купец стоит на пустой палубе и поскок один за другим шары.

«- Полетай ты к Афросинье Спиридоновне и доложи ей, что, значит, в таком виде... в таком виде... - бормотал Сидор Гаврилыч, провожая глазами быстро улетающий шар. - Полетай к моей Афросиньюшке, к голубушке, и не сказывай, что видел пьяного дурака. Замотался, как есть...»

Мне кажется, в литературе еще только Василий Шукшин мог бы написать такой рассказ. Он бы, может, и фильм снял. Как пароход бежит «все вперед, в осеннюю мглу», плачет человек на палубе и летят, летят смешные детские шары.

Дмитрий ШЕВАРОВ. Фотографии из фондов музея Д. Н. Мамина-Сибиряка (г. Екатеринбург).

Автор благодарит сотрудников музея за помощь в подготовке материала.

«...Моя девчурка очень поправилась в Царском и теперь бегает... я ее страшно люблю и боюсь за каждое дыхание. Часто смотрю и думаю: что-то ее ждет...»

Мария Гейнрих-Абрамова, умерла вскоре после родов. Девочка, которую называли Аленушкой, осталась на руках Мамина.

Счастье и горе свалились на него в одночасье. Дмитрий Наркисович не имел до того детей, а тут в сорок лет ему предстояло одному растить ребенка. Какой болью и печалью отзывалось теперь в его душе прозвище, данное ему петербургскими друзьями. Они звали его между собой Маменька.

ния, но я совершенно случайно упомянул об Аленушке, болевшей тогда корью, и вдруг он будто переродился: «Домой, домой!...»

Друзьям было трудно понять его безграничную преданность девочке. Критик Михайловский писал о Мамине своим знакомым: «Недавно он собирался в Москву. Весь багаж был уложен, даже билет - в кармане. Но тут, при прощании, Аленушка вдруг заплакала, и Мамин не поехал».